УДК 23/28

РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В РУССКОЙ АРМИИ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Дмитриев Николай Владимирович,
Амурский государственный университет,
соискатель кафедры религиоведения,
г. Благовещенск, Россия.
E-mail: d_n_v133@rambler.ru

Аннотация
В статье рассмотрена организация религиозной жизни в войсках Приамурского военного округа до 1918 года. Освещены задачи и структура военных причтов, взаимоотношения их с командованием воинских частей.

Ключевые слова:
полковой священник,
полк, причт,
говение, ктитор.

В армии новой, постсоветской России, остро стоят вопросы духовного, нравственного да и просто общечеловеческого воспитания военнослужащих, побуждения их к добросовестному и осознанному выполнению воинского долга, привития чувства любви к своей Родине. Наличие этих проблем, поиск путей их решения призывает обратиться к прошлому, изучив которое и проанализировав его, можно двигаться вперёд, используя полученные знания применительно к реалиям современности. И в сложившихся на данном этапе обстоятельствах руководство Российской армии постоянно находится в поиске новых форм и методов воздействия на личный состав Вооружённых сил. В частности, в 2009 году официально принято решение о привлечении представителей религиозных конфессий к работе с верующими воинами, и в 2011 году приказом министра обороны Российской Федерации в штат воинских частей была введена должность помощника командира по работе с верующими военнослужащими. В этой связи возник вопрос изучения опыта участия Русской православной и иных Церквей в повседневной деятельности войск армии и экипажей боевых кораблей флота Российской империи, определение степени значения религии в деле воспитания широких солдатских масс и влияние её на мировоззрение, нравственные устои и настроение военного люда.

Предлагаемая вниманию читателя статья подготовлена на основе изучения и анализа опыта взаимодействия Русской императорской армии и Русской православной церкви на территории Дальнего Востока России в её дореволюционный период.

В процессе церковно-православной деятельности в воинских частях и подразделениях Приамурского военного округа решался ряд задач, основными из которых были:

– проведение политики государя в войсках;

– подготовка личного состава к боевым действиям;

– формирование готовности военнослужащего преодолевать тяготы и невзгоды военной службы и погибнуть с честью за веру, царя и отечество;

– воспитание верности присяге и чувства личной ответственности за выполнение поставленной задачи, а также уважительного отношения к сослуживцу, невзирая на возможную принадлежность его к другому вероисповеданию.

Рассматриваемый период времени характерен укреплением православного влияния на войска. Увеличилось плановое строительство церквей военного ведомства в дальневосточных гарнизонах и военных городках. Военные

чины, особенно инженерный состав, продолжали оказывать поддержку деятельности Благовещенской и Владивостокской епархий по вопросам возведения приходских церквей и школ. Религиозно-православная общественность, сознавая, что возводимые на окраинах страны очаги православия в виде храмов нуждаются в убранстве их, всемерно помогали, в т.ч. и посредством жертвований, становлению Русской церкви на Дальнем Востоке страны.

В результате проведения мобилизационных мероприятий на территории Приамурского края по случаю ведения боевых действий с китайцами летом 1900 года и с японцами в Маньчжурии в 1904–05 гг., в войсках округа и в действующей армии побывало большое количество (около ста человек) приходских священников, что, несомненно, улучшило взаимопонимание между военными и епархиальными священнослужителями.

Штатные православные военные священники в Приамурском военном округе с начала XX века имелись в стрелковых, крепостных и Приморском драгунском полках, в Анучинской окружной дисциплинарной роте, с 1908 года – в артиллерийских бригадах и сапёрных батальонах и в 1911 году – в штате Амурской флотилии. Священник-моряк в период навигации имел место на флагманской канонерской лодке, в зимний же период он откомандировывался в Хабаровский собор. Руководство всеми ими осуществлял главный священник округа через благочинных.

«При священнике должны быть:

– диакон из унтер-офицеров;

– псаломщик из нижних чинов.

Псаломщиками могут быть и вольнонаёмные, числом не более 25% от общего числа псаломщиков» [12, л. 97].

При каждой военной церкви состоял причт, в состав которого входили священно- и церковнослужители. Священнослужителем был священник и, если число прихожан церкви превышало семьсот человек, то в причт вводился и штатный дьякон (диакон). Из числа церковнослужителей (в некоторых источниках – церковников) при военных церквах служили псаломщики, один или два. Допускалось, в случаях отсутствия штатных церковников, иметь из числа нижних чинов специально обученных людей, но при этом, судя по сохранившимся документам, существовали некоторые проблемы в подборе и качестве подготовки этих людей. В военное время псаломщик исполнял согласно штатному расписанию ещё и обязанности прислуги при священнике [11, инв. № 1344. № 292 от 1897, л. 253]. О псаломщиках военного ведомства тоже заботились – в 1900 году приказом № 201 им определили «квартирные оклады» [13, л. 464–467].

Для организации церковной жизни в полку издавался приказ, в котором определялся состав причта, ктитор, певчие, руководитель церковного хора, как правило – «офицер-любитель и знаток церковного пения» [2, № 7, л. 215], и при необходимости – внештатный церковник (псаломщик).

Ктитором назначался наиболее набожный офицер или классный чиновник по ходатайству полкового священника, который о назначенном ктиторе доносил благочинному, а тот, в свою очередь, до протопресвитера [1, с. 911].

В обязанности ктитора входило [7, л. 1249–1251]:

– заботиться о внутреннем благоустройстве церкви;

– заведовать, под наблюдением полкового командира, совместно со священником деньгами, в т.ч. приходом и расходом церковной суммы и имуществом церкви и заботиться об их сохранении;

– нанимать в случае необходимости церковных сторожей и контролировать их работу.

Ктитор за упущения по церковным обязанностям наказывался как за проступки по военной службе.

С 1895 года, в соответствии с приказанием войскам Приамурского военного округа № 83, в начале года «причт и ктитор направляли 6% от валового дохода церкви» благочинному для отсылки в Духовное правление на призрение бедных военного и морского духовенства [11, инв. № 1425. № 208 от 1890, гл. V].

В православной религиозной жизни важное место занимало церковное пение. В каждой военной церкви состоял хор певчих, для формирования которого издавались приказы в полках о высылке нижних чинов на спевки, на богослужения. В некоторых частях спевки забивались в расписание занятий [5, № 4, л. 57].

Полковые певчие подчинялись ктитору церкви. Церковный хор являлся визитной карточкой и гордостью полка, и зачастую их приглашаяя петь в епархиальные приходские церкви. Так, хор певчих из нижних чинов под управлением офицера 1-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады пел во время торжественной литургии 6 декабря 1899 года в Никольск-Уссурийском [6].

Правда, была и критика: «Не следует нашим войсковым церковным певчим подражать «архиерейским» и др. большим хорам, ибо неудовлетворительное исполнение ими непосильных произведений не вызовет молитвенного настроения. А для избежания этого следует петь лишь то, что

доступно силам хора и пониманию молящихся» [5, № 4, л. 57].

При отсутствии церковного хора было и так: «хоронили на позиции семь человек; офицеры пропели «Со святыми упокой» и «Вечную память» [4, с. 28].

Необходимо отметить, что вся религиозная жизнь полка была организована, что значит – регламентирована посредством приказов, приказаний и распоряжений. Например, в развитие приказа по гарнизону издавался приказ, в частности, по драгунскому полку, в котором военному священнику предписывалось: «молодых солдат 1 и 2 эскадрона исповедовать в понедельник на Страстной после вечерни, всех вестовых, трубачей и нестроевую команду – во вторник после вечерни, остальных – после обедни, стараясь по мере возможности не задерживать их долго после службы. Таинство Причащения производить ежедневно всем бывшим у исповеди накануне. Господам офицерам исповедоваться всем вместе в среду и причащаться одновременно в Великий четверг. В среду на Страстной совершить обряд крещения над рядовым Ибрагимом Абдулатиповым, записав воспреемниками его командира фон Шпека и жену подполковника Марию Степановну Подкопытину». Полковой священник о. Фёдор при доведении до него «сей бумаги» расписался на полях документа, потому что в полку он был одним из должностных лиц, для нижних же чинов – воинским начальником, «Ваше благородие» [5, № 36, л. 504]. Например, в отпуск военный священник уходил, предварительно написав рапорт по команде на имя командира полка, после разрешения которого он ставил в известность дивизионного благочинного, который в свою очередь извещал о событии протопресвитера.

Приказ командира Владивостокского порта № 134 от 20 марта 1896 года гласил: «Предписываю освободить нижних чинов от портовых и др. работ в следующие дни Страстной недели и Св. Пасхи: с 2-х часов пополудни 21 марта по 26 марта включительно» [3].

Приказанием войскам Благовещенского гарнизона № 8 от 8 марта 1899 года от имени его начальника генерал-майора К.Н. Грибского предписывалось: «Во вторник 9 марта с.г. в день храмового праздника во имя Божией Матери, именуемой Албазинской, занятий не проводить. Свободным от службы штаб, обер-офицерам и классным чиновникам военного ведомства прибыть на богослужение в Благовещенский кафедральный собор к девяти часам утра. Нижних чинов уволить командами в церковь» [10, ф. 15-и, оп. 1, ед. хр. 168, № 2 от 1899].

В Хабаровске весной того же года начальник гарнизона распорядился «во время церковных парадов на Пасху незадействованных в параде нижних чинов уволить в церковь командами под начальством унтер-офицеров». Подобное увольнение ждало нижних чинов и на церковном параде в день памяти А.С. Пушкина.

О добровольности участия в церковных парадах речь не шла; такие фразы из приказов по гарнизону, как: «на богослужение по случаю... приказываю прибыть...», или: «для поддержания благочиния в храме во время богослужения назначить сорок нижних чинов... в распоряжение полицмейстера города», а также команды командующего парадом: «На молитву. Шапки – долой!», «Накройсь!» не оставляли шансов верующему воину на проявление искренности при сотворении молитвы в подобных ситуациях [10, ф. 33-и, оп. 1, ед. хр. 4].

При прохождении религиозных постов процесс говения военными верующими также регулировался их командирами. Например, в приказании начальника штаба войск Благовещенского гарнизона № 21 от 25 февраля 1899 года объявлена очерёдность говения частей войск гарнизона понедельно. В частях внутренними приказами дни говения устанавливались для каждой из рот [8].

Таким образом, казарменный режим и армейский стиль управления людьми, где всё, и христианская мораль, и исполнение обрядов, и религиозные беседы полковых священников, имело характер официальный, строго обязательный и в большинстве случаев принудительный, не могли создать подобающего религиозного настроения у нижних чинов воинской части. Не способствовало повышению уровня религиозности личного состава войск и положение Устава гарнизонной службы, согласно которому нижние чины обязаны были при встрече с полковым священником отдавать ему воинское приветствие, как обычному офицеру.

Большинство православных обрядов требовало от верующих полной самоотдачи, и речь о выполнении воинских обязанностей в это время не шла. Воинскую службу обеспечивали чины другого вероисповедания. В свою очередь и православные несли службу за них в подобных для иноверцев ситуациях.

Не всё гладко было во взаимоотношениях между командирами и священниками. Последний по долгу службы контролировал исполнение церковных треб военнослужащими полка и докладывал о недостатках при выполнении их (говение пасомых, отсутствие их на молебнах и т.п.) благочинному, который, естественно, давил на командира дивизии, учинявшего после

этого спрос с командиров полков [2, № 2, л. 46, 49]. Издавались приказы в полках о высылке нижних чинов на спевки, на богослужения. Естественно, в этом деле иногда происходил сбой, и полковые священники жаловались по своей линии на невыполнение приказов. Ещё один нюанс имелся – полковые певчие подчинялись ктитору церкви, но некоторые военные священники предъявляли свои права на них, вследствие чего иногда и здесь возникали трения. Также священники требовали, чтобы в праздничные дни не проводился медицинский осмотр нижних чинов, но часть командиров не прислушивалась к мнению духовных наставников. Иногда сам полковой священник игнорировал, например, строевые смотры. Всё это приводило к конфликтам, в результате которых командиры полков, в свою очередь, приструнивали священников по служебной линии. В 1900 году протопресвитер о. Александр Желобовский вынужден был дать всему военному духовенству телеграмму следующего содержания: «Во избежание в дальнейшем нежелательных недоразумений между военным начальством и полковым священником, предлагаю военным пастырям:

1) являться к начальнику, прибывшему для инспекторского смотра;

2) просить у него указаний, когда угодно будет посетить церковь и учебную команду, чтобы при этом посещении присутствовать священнику;

3) с готовностью исполнять все законные требования, какие найдёт нужным предъявить лицо, инспектирующее воинскую часть» [2, № 2, л. 46].

Но трения продолжились, и в округе был издан следующий приказ: «Командование округом усмотрело, что распоряжения о подчинении в округе церквей с их причтами тому или иному благочинному делаются протопресвитером военного и морского духовенства непосредственно на имя этих последних лиц и через штаб округа не проходят.

Для сведения и руководства на будущее время, что благочинные должны доносить в штаб округа копии полученных от протопресвитера распоряжений» [9].

При каждой полковой церкви имелась библиотека, рекомендуемый ведомством военного духовенства перечень книг в которой охватывал практически все стороны деятельности воина той поры.

Таким образом, для подготовки и воспитания православного воина командованием Приамурского военного округа и военным духовным ведомством использовались любые, подходящие сложившейся ситуации, возможности. Поставленная в воинской части на должный уровень организация религиозной жизни позволяла внушить военнослужащему понятие о святости и величии его призвания к деятельности как защитника веры, царя и отечества, но также компенсировала и сглаживала его душевные страдания, нравственно успокаивала и удерживала от нарушений воинской дисциплины.

В религиозной жизни полка многое зависело от качества работы церковного причта, от умения и желания командира полка, ктитора и священника сработаться на пользу достойной духовной жизни воинской части. Проблема, на взгляд автора, состояла в том, что не все должностные лица полка воспринимали батюшку только как духовного наставника; для некоторых он был не более чем должностным лицом. Да и церковно-обрядовая жизнь военнослужащих была несколько заорганизованной, что не всегда шло на пользу армии, да и церкви тоже.

Нагрузка на военных священников округа в деле «поддержания среди нижних чинов твёрдости к православной вере и вообще поднятия религиозно-нравственного воспитания их» выдалась весьма ощутимой. Об этом писал известный военный администратор Приамурского края П.Ф. Унтенбергер: «При почти равном штатном составе офицеров и священников в частях войск как в Европейской России, так и на Дальнем Востоке, численный состав рот в округе почти вдвое превышает таковой же во внутренних частях империи. Если к этому прибавить, что наличный состав офицеров страдал некомплектом почти в одну треть (особенно до 1908 г.)... то всё воспитание ложилось на пастыря» [14, с. 354–385].

Анализируя сохранившиеся в архивах и оказавшиеся доступными послужные списки дальневосточных военных священников, автор отмечает, что морально-деловые качества их были весьма высоки, и это не случайно, так как именно на Дальний Восток было принято направлять достойных служителей церкви, и немало полковых пастырей награждены «за благочестивые труды». Учитывалось, что при комплектовании войск личным составом в Приамурье попадало много «порочных, штрафованных» солдат, и священник здесь нужен был весьма ответственный и образованный. По оценкам историков, накануне Первой мировой войны на Дальнем Востоке Российской империи находилось не менее 10% войск царской армии, и роль представителей ведомства протопресвитера военного и морского духовенства в поддержании боевой готовности войск Приамурского военного округа трудно переоценить.

1. Брокгауз Ф.А., И.А. Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб. 1900. Т. XXVI.
2. Вестник военного духовенства, журнал. 1900. Государственный архив Приморского края (ГАПК).
3. Владивосток, газета, 1896, № 12. Приморская государственная публичная библиотека им. М. Горького.
4. Орлов Н.А. «Забайкальцы в Маньчжурии в 1900 г.». Амурская областная научная библиотека. Отдел редких книг. Инв. № РМ 41729.
5. Офицерская жизнь, журнал, 1912. Библиотека военно-исторического музея Тихоокеанского флота.
6. Приамурские ведомости, газета. Инв. № 1901, 1899, № 311. Государственный архив Амурской области (ГААО).
7. Приказ Военного ведомства № 208 от 1890. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), инв. № 1425.
8. Приказание войскам Благовещенского гарнизона № 21 от 1899. ГААО. Ф. 15-и, оп. 1, ед. хр. 168.
9. Приказание войскам Приамурского военного округа № 185 от 24.12.1910. ГААО, инв. № 3964.
10. Приказы войскам Благовещенского гарнизона. ГААО.
11. Приказ по войскам Приамурского военного округа. ГАХК.
12. Свод штатов по военно-сухопутному ведомству. Отдел 1, изд. 1912 г. ГАХК, инв. № 1355,
13. Указатель приказов по военному ведомству. ГАПК, инв. № 11558.
14. Унтенбергер П.Ф. «Приамурский край 1906-10 гг.». Очерк. С-Пб. 1912.

1. Brokgauz F.A., I.A. Efron. Jenciklopedicheskij slovar'. S-Pb. 1900. T. XXVI (Russian).
2. Vestnik voennogo duhovenstva, zhurnal. 1900. Gosudarstvennyj arhiv Primorskogo kraja (GAPK) (Russian).
3. Vladivostok, gazeta, 1896, № 12. Primorskaja gosudarstvennaja publichnaja biblioteka im. M. Gor'kogo (Russian).
4. Orlov N.A. «Zabajkal'cy v Man'chzhurii v 1900 g.». Amurskaja oblastnaja nauchnaja biblioteka. Otdel redkih knig. Inv. № RM 41729 (Russian).
5. Oficerskaja zhizn', zhurnal, 1912. Biblioteka voenno-istoricheskogo muzeja. Tihookeanskogo flota (Russian).
6. Priamurskie vedomosti, gazeta. Inv. № 1901, 1899, № 311. Gosudarstvennyj arhiv Amurskoj oblasti (GAAO) (Russian).
7. Prikaz Voennogo vedomstva № 208 ot 1890. Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraja (GAHK), inv. № 1425 (Russian).
8. Prikazanie vojskam Blagoveshhenskogo garnizona № 21 ot 1899. GAAO. F. 15-i, op. 1, ed. hr. 168 (Russian).
9. Prikazanie vojskam Priamurskogo voennogo okruga № 185 ot 24.12.1910. GAAO, inv. № 3964 (Russian).
10. Prikazy vojskam Blagoveshhenskogo garnizona. GAAO (Russian).
11. Prikaz po vojskam Priamurskogo voennogo okruga. GAHK (Russian).
12. Svod shtatov po voenno-suhoputnomu vedomstvu. Otdel 1, izd. 1912 g. GAHK, inv. № 1355 (Russian).
13. Ukazatel' prikazov po voennomu vedomstvu. GAPK, inv. № 11558 (Russian)
14. Untenberger P.F. «Priamurskij kraj 1906-10 gg.». Ocherk. S-Pb. 1912 (Russian).

UDC 23/28

THE RELIGIOUS COMPONENT OF MILITARY UNITS OF THE IMPERIAL RUSSIAN ARMY IN THE FAR EASTERN THEATER OF WARIN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Dmitriev Nikolay Vladimirovich,
Amur State University,
aspirantat the Chair of Religion Studies,
Blagoveshchensk, Russia.
E-mail: d_n_v133@rambler.ru

Annotation
The article deal with the organization of religious life in the armed forces of the Amur Military District before 1918. The tasks and structure of the Clergy military, their relationship with the command of military units are stated here.

Key concepts:
padre, regiment, clergy, Lenten Retreat, churchwarden.